Хуа Си Ван знала, что головой ударилась лишь слегка. Даже несмотря на то, что там было немного крови, это было не так серьезно, как гласили слухи снаружи. Она не знала, были ли эти слухи преувеличены благодаря простому люду, или же Янь Цзинь Цю хотел, чтобы подобные слухи распространялись повсюду, но всё равно целыми днями лежала в кровати. Когда ей становилось скучно, она заставляла певцов из поместья петь для нее. Когда она была раздражена, артисты развлекали ее. Она старалась сделать все возможное, чтобы дни ее пребывания в постели были еще более комфортными.

- Цзюнь ванфэй, пришла сиделка, чтобы сменить вам повязку.

В комнату вошла Бай Ся. Она помогла Хуа Си Ван сесть, а затем положила мягкую подушку ей за спину.

Хуа Си Ван приказала исполнителям на время прекратить выступление и отступить.

- Пожалуйста, пригласи ее войти.

Сиделка подождала, пока служанки в комнате поднимут занавеску, и только тогда вошла. Ей часто приходилось заниматься ранами и ссадинами. Несмотря на то, что она провела несколько лет в большой больнице, она никогда раньше не приходила в поместье Сянь Цзюньвана. Глядя на роскошные картины в поместье Сянь Цзюньвана, попадающиеся чуть ли не каждые два шага, она, наконец, поверила тому, что говорило поколение до нее: предыдущий император действительно благоволил первому человеку, получившему этот титул.

Комната Сяньцзюнь ванфэй была оформлена элегантно и более строго, но это совсем не умаляло благородство владельца. Было видно, что человек, который украсил комнату, приложил много усилий, вдумчиво и внимательно подбирая каждый элемент интерьера.

- Приветствую Сяньцзюнь ванфэй, - сиделка увидела красавицу в простой одежде, лежащую на кровати, и поняла, что это ванфэй, которой так дорожил Сянь Цзюньван. Она подошла ближе и поклонилась. - Я пришла по приказу настоятеля, чтобы сменить повязку Сяньцзюнь ванфэй.

- Извините за беспокойство, госпожа, - голос человека, лежащего на кровати, был очень мягким и слегка завораживающим. Даже будучи женщиной, сиделка чувствовала, как ее сердце трепещет. Она не могла не бросить еще несколько взглядов на девушку, лежащую на кровати. Она была сиделкой в большом госпитале, но занимала должность восьмого ранга. Многие знатные семьи смотрели на женщин в медицине свысока, и в их поведении и речи всегда присутствовало презрение. На самом деле было не так много людей, которые были по-настоящему вежливы, как Сяньцзюнь ванфэй.

- Сяньцзюнь ванфэй, пожалуйста, не двигайтесь. В самом начале может быть немного больно…

Сиделка подошла к ней и медленно сняла ранее наложенную повязку. Увидев, что рана не распухла, и не появилось гноя, она облегченно вздохнула. Использовав ватный тампон, чтобы

очистить поверхность вокруг раны, она сказала легким голосом: «Цзюнь ванфэй, ваша рана хорошо заживает. Пожалуйста, обращайте внимание на то, чтобы комната хорошо проветривалась. Также нельзя перегреваться и мочить рану».

Когда она промывала рану, лекарка стала еще более осторожной. Однако она знала, что, как бы ни была осторожна, это все равно будет больно. К счастью, Цзюнь ванфэй не наказала ее за это и даже не издала ни звука. Сменив повязку, сиделка, наконец, смогла перевести дух.

- Цзюнь ванфэй, перевязка закончена.

Хуа Си Ван еще раз поблагодарила ее и велела Бай Ся лично проводить лекарку до двери. В главном госпитале статус женщин, занимающихся врачеванием, был не так высок, как у мужчин. Кроме того, многие люди считали, что навыки женщины не могут сравниться с навыками мужчины, поэтому доверия к женщинам в медицине было мало. Даже некоторые женщины из благородных семей придерживались схожих взглядов.

Но по мнению Хуа Си Ван, эта сиделка была очень практична, когда меняла повязку, и чрезвычайно открыта и честна в своем поведении. Все они были женщинами, и она была готова уважать чужой труд.

Бай Ся лично проводила лекарку до ворот, а затем карета из поместья Сянь Цзюньвана доставила ее обратно в главный госпиталь. Это заставило многих ее товарищей восхищаться ею из-за того, что она получила благосклонность Сяньцзюнь ванфэй.

Вскоре после ухода сиделки, прибыли дары от императрицы. Евнух, пришедший объявить об указе, был главным управляющим императорского дворца. Он был очень вежлив с Янь Цзинь Цю, а его отношение было подобострастным.

- Как там раны Цзюнь ванфэй? Императрица очень беспокоится о Цзюнь ванфэй и послала этого маленького человека навести справки. - Чжао Дун видел, что на лице Сянь Цзюньвана не было заметно ни следов радости, ни гнева, и понимал, что этот вопрос, скорее всего, не будет решен. - Императрица не могла есть с тех пор, как услышала, что Цзюнь ванфэй ранена. Если бы она могла покинуть дворец по собственному желанию, то лично приехала бы навестить ее.

- Моя жена не может смириться с такой заботой императрицы. - Янь Цзинь Цю наконец-то улыбнулся, но эта улыбка была немного холодной. – Цзюнь ванфэй повезло. Хотя она пострадала, к счастью, рана оказалась не столь серьезной.

Услышав это, Чжао Дун мгновенно улыбнулся и сказал: «Цзюнь ванфэй - человек с хорошей судьбой. Небеса благоволят ей и защищают».

Янь Цзинь Цю потер пальцем чашку и с ноткой сарказма в голосе произнес: «Это и правда защита небес?» Он медленно сделал глоток и продолжил: «Прошу гунгуна доложить императрице. Раны моей жены еще не зажили, и она не может лично преклонить колени,

чтобы поблагодарить за благодать Феникса. Пусть императрица проявит немного терпения».

- Я не посмею, не посмею ослушаться. Ничтожный подданный обязательно передаст ваши слова.

Чжао Дун сухо рассмеялся и поклонился. Он чувствовал, что действительно не может здесь оставаться. Сейчас аура Сянь Цзюньвана уж слишком давила на него. Он был главным управляющим императорского дворца, но перед этим человеком он действительно был мелкой сошкой.

После того как Чжао Дун ушел с каким-то младшим евнухом, Янь Цзинь Цю приподнял бровь и поманил Му Туна к себе. Он сказал: «Передай Цзюнь ванфэй список подарков, но не сами вещи. Если у Цзюнь ванфэй чего-то не хватает, возьми это из моих запасов. Эти вещи... - его взгляд скользнул по подаркам императрицы, - отыщи кладовку, где их можно хранить».

- Слушаюсь.

Му Тун взглянул на подарки, пожалованные императрицей. Они были очень хороши, но семья императрицы со стороны отца поступила дурно. Будь этих даров больше, это все равно не излечило бы рану Цзюнь ванфэй. Неудивительно, что Цзюньван Е не мог спокойно смотреть на отношение императорского шурина.

Интеллект нескольких поколений семьи Фан достался императрице, а остальных членов семьи Фан лучше было не пускать в благородные круги. Неудивительно, что наследный принц был таким, каков он есть. Похоже, он относился к тому самому большинству членов семьи Фан.

Му Тун тут же отнес список Хуа Си Ван. Хуа Си Ван бросила на него быстрый взгляд и отложила список в сторону.

- От всей души благодарю императрицу за ее милость.

Му Тун склонил голову и ничего не сказал.

- Цзюньван Е был при мне все эти два дня - разве это не отложило его дела снаружи?

Хуа Си Ван выпила свое лекарство. После того как служанки помогли ей прополоскать рот, она вытерла его и сказала: «Можешь сказать Цзюньван Е, что я почти поправилась. Он не должен медлить». Она не хотела, чтобы Янь Цзинь Цю в будущем бормотал: «Если бы не ты… Я бы сделал то-то и то-то….» Она боялась, что в тот момент даст этому человеку хорошего пинка.

- Пожалуйста, Цзюнь ванфэй, отдыхайте. - Му Тун не ответил, были ли у господина какие-то дела снаружи, только сказал: - Цзюньван Е очень беспокоится о вашей ране. Пока вы здоровы, остальное не имеет значения.

Неудивительно, что Янь Цзинь Цю любил использовать таких слуг, как Му Тун. Он очень хорошо умел играть словами. Она снова улыбнулась.

– Ты отлично помогаешь своему хозяину говорить приятные вещи, чтобы утешить меня. Погода в эти два дня просто удушающая. Вы и слуги должны убедиться, что Цзюньван Е не будет страдать от жары.

- Ничтожный слуга запомнит.

Когда Му Тун покинул главный двор, он наконец-то перевел дух. По какой-то причине, хотя Цзюнь ванфэй всегда обращалась с ним хорошо, он не осмеливался быть неуважительным вообще.

Может быть, дело было в том... что зрелище того, как Цзюнь ванфэй пинает ногой летящий стул и отламывает кусок декоративной горы, было чересчур ошеломляющим? Значит, он не мог не покориться ей всем сердцем?

Му Тун, наконец, понял истинную суть высказывания: «Кто силен, тот и прав». Это можно было считать поводом для праздника.

***

Вскоре после того, как Чжао Дун вернулся во дворец, он услышал, что императрица призывает его к себе. Он не смел задерживаться и поспешно отправился к ней.

- Как там раны Цзюнь ванфэй? - выражение лица императрицы оставалось неизменным, но Чжао Дун чувствовал, что императрица придает этому вопросу большое значение, поэтому рассказал всё в подробностях.

- Когда я прибыл в поместье Сянь Цзюньвана, то случайно увидел, как его покидала сиделка из главного госпиталя, после того как поменяла повязку Цзюнь ванфэй. Я, словно без всякого умысла, спросил ее о состоянии Цзюнь ванфэй, и она сказала, что рана не легкая. - Чжао Дун чувствовал, что эти слова были лишены деталей, поэтому ему оставалось лишь пересказать то, что было сказано. - После того, как я вошел в поместье, я не видел Цзюнь ванфэй. Мне сказали, что она отдыхает в своих комнатах. Сянь Цзюньван был дома, и ничтожный подданный заметил, что выражение его лица было меланхоличным, поэтому я не осмелился остаться надолго, прежде чем уйти. - Он пересказал императрице свой разговор с Сянь Цзюньваном. В конце концов, даже он почувствовал, что у Сяньцзюнь ванфэй была серьезная рана.

Выслушав его доклад, императрица слегка нахмурилась. Затем она вздохнула и спросила: «Есть ли какие-нибудь новости со двора?»

- Ничтожный слуга слышал, что люди обвинили императорского шурина в том, что он отпустил свою лошадь и ранил людей. Однако его величество еще не решил этого вопроса.

Выражение лица императрицы стало еще более неприглядным. Император уже был недоволен ею из-за дела наследного принца. Ее родственники со стороны отца были не из тех, кто приносит почет, вдобавок они умудрились поднять такую шумиху. Что она может использовать, чтобы умолять императора проявить милосердие?

Чжао Дун заметил, что императрица замолчала, и послушно встал.

- Можешь идти.

Императрица вздохнула и махнула рукой, призывая Чжао Дуна отступить. Она чувствовала, что полна беспокойства. Ее сын не принес ей почета, как и ее отцовская семья. Если бы у императора был еще один сын, кроме наследного принца, она, вероятно, давным-давно потеряла бы свое положение во дворце.

- Императрица няннян, прибыл Его Величество император, - дворцовая служанка поспешно вошла, чтобы доложить о приходе венценосного монарха. Прежде чем императрица успела отреагировать, она увидела, как вошел император Цилун.

- Приказываю всем нас покинуть.

Выражение лица императора оставляло желать лучшего, но он также знал, что не может позволить себе высказаться перед слугами императрицы. После того как все люди ушли, император сердито выругался: «Посмотри, что натворила твоя семья. Теперь многие знатные семьи в Цзине сообщают, что твоя отцовская семья переходит все границы в своем поведении. Как я смогу помочь тебе скрыть это?»

- Император, слабая я не способна сдерживать отцовскую семью, - императрица знала, что сейчас не время спорить с императором, поэтому она первая проявила слабость. - Прямо сейчас я также очень беспокоюсь о Сяньцзюнь ванфэй…

- Ты думаешь, главная беда в том, что он ранил Сяньцзюнь ванфэй? - Император Цилун холодно продолжал: - Сколько людей в Цзине наблюдают за тем, как действует и ведет себя твоя семья? Если ты не думаешь о себе, то хотя бы подумай о наследном принце. Неужели ты хочешь, чтобы весь мир узнал, что у наследного принца такие родные со стороны матери?

Репутация наследного принца и без того была скверной. Если семья Фан что-то натворит, это сделает ситуацию если не непоправимой, то намного хуже.

Когда императрица услышала это, ее лицо застыло, и она не смогла и слова вымолвить. Должна ли она винить членов своей семьи за то, что они не думают о ней, или винить своего

сына за то, что он недостаточно хорош? Или корить себя за то, что плохо воспитала наследного принца и не контролировала своих родных?

Спустя долгое время императрица сделала глубокий поклон в сторону императора.

- Ничтожная жена знает свои ошибки и только просит императора приложить некоторые усилия и не допустить, чтобы дело отцовской семьи затронуло наследного принца.

Император Цилун фыркнул, взмахнул широкими рукавами и ушел. Его сердце еще больше охладело к императрице.

Императрица посмотрела ему вслед. Слезы наполнили ее глаза, но не пролились.

http://tl.rulate.ru/book/5480/799303